

ДОМОВОЙ.

Истинный поэт не выдумывает пѣсенъ: онъ знаетъ, что пѣсня спитъ въ каждой вещи, а онъ лишь будить ее чародѣйнымъ словомъ ¹⁾; это не онъ поетъ о предметѣ, а предметъ самъ поетъ себя въ пѣснѣ своего пѣвца. Поэтъ знаетъ, что пѣсня есть подлинная природа вещи, душа ея души; пѣсню создаетъ то, что существенно въ мѣрѣ, что вѣрно и священо; *поютъ* первоначальныя сущности вещей, вѣчно живыя. — тогда какъ поверхностные вихри жизни, ея суетливые обманы способны только *шумѣть*. Конечно, и этотъ шумъ можно выдать, а случается и принять за пѣсню, но — не надолго: онъ обреченъ на то, чтобы потонуть въ другихъ шумахъ земли.

Тема пѣсни можетъ быть дана и самыми простыми вещами... Но развѣ въ простомъ, житейскомъ не живетъ подлинная священная глубина? И если великій поэтъ поетъ о близкой каждому, знакомой, привычной обыденности, не значитъ ли это, что онъ огнемъ души своей сжегъ выросшую на ней шелуху зыбкихъ бессмысленныхъ явленій, и что непреходящая, глубинная *мысль* ея, освобожденная, всколыхнулась пѣсней?

Однако, подлинная природа вещей скрыта глубоко; существенное — сокровенно и таинственно; поэтому и пѣсня всегда звучитъ, какъ *тайна*, всего не выговариваетъ, не открываетъ всего до конца. Но, полная невѣдомымъ, она опредѣляетъ имъ все до еле уловимыхъ тѣней въ творимыхъ ею образахъ, до едва слышныхъ тоновъ своей музыки и — предоставляетъ искать пути въ исторгнувшую ее неизреченную глубину.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моею обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенне набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наследственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!

1)

Въ каждой вещи пѣсня дремлетъ:
Мѣръ, исполненъ тайныхъ сновъ,
Твоимъ зовамъ вѣщимъ внемлетъ
И залѣтъ всегда готовъ.

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
 И сей укромный огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скатъ холмовъ,
 Луга, измятые моею бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ —
 Они знакомы вдохновенью ²⁾.

Одно слово въ пѣснѣ «Домовому» указываетъ на тотъ духовный опытъ, который заставилъ ее прозвучать. Это слово — *вдохновенье*, огненное слово, послѣднее по мѣсту своему въ пѣснѣ и первое по своему значенію въ ней.

«И, признакъ Бога, вдохновенье», — говоритъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній ³⁾. Это значитъ, что вдохновенье есть знакъ присутствія въ душѣ пѣвца божественной силы. Поющая душа предстоить Божеству, въ ней являющемуся и призывающему ее къ жертвенному служенію ⁴⁾.

Такая жертва требуетъ полного, захватывающаго всю душу вниманія къ нездѣшнымъ звукамъ и полной отрѣшенности отъ грубаго и навязчиваго гомона земныхъ голосовъ. Земной міръ, т. е. «людское стадо» ⁵⁾, увлеченное своими мелкими заботами, испытывается поэтомъ, какъ *помѣха* вдохновенью. Окружая человѣка вереницами то пугающихъ, то дразнящихъ, то привлекающихъ впечатлѣній, суетливая жизнь развлекаетъ душу и отвлекаетъ ее отъ ея глубины, чуткой къ шопоту таинственнаго. Душа пѣвца утрачиваетъ свою опору въ вѣчномъ, умолкаетъ и никнетъ въ холодномъ снѣ.

«Служенье музъ не терпитъ суеты...» ⁶⁾ Пѣвцу нужна тишина и покой, онъ ищетъ уединенья: онъ находитъ его у *огня домашнихъ боговъ*.

Въ недоконченномъ гимнѣ во славу пенатовъ Пушкинъ обращается къ богамъ домашняго очага, какъ къ великой первоначальной силѣ жизни, которая учитъ человѣка быть и общаться съ самимъ собою, познавать себя, находить и взращивать въ себѣ таинственное. Часы одиночества приносятъ поэту радость новыхъ познаній.

²⁾ Пушкинъ. «Домовому».

³⁾ «И, признакъ Бога, вдохновенье,
 Для нихъ и чуждо и смѣшно...»
 Пушкинъ. «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ».

⁴⁾ «Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ...»
 Пушкинъ. «Поэтъ».

⁵⁾ «... съ какимъ святымъ (волненьемъ)
 Оставилъ я людское стадо наше...»
 Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

⁶⁾ Служенье музъ не терпитъ суеты,
 Прекрасное должно быть величаво...
 Пушкинъ. «19 октября 1825».

«Часы неизъяснимыхъ (наслаждений!)
Они даютъ намъ знать сердечну глубь
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ,
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя таинственныя чувства,
И пасъ они наукѣ первой учать
Чтить самого себя» 7).

Въ этихъ немногихъ словахъ, зажженныхъ надъ затаенными переживаниями души, поэтъ касается одного изъ истоковъ вдохновенія. Отрѣшенная отъ пестрой смѣны явленій, душа погружается въ самое себя, смотритъ внутреннимъ окомъ, познаетъ и судитъ: находить недоброе — немощи душевныя и отметаеъ ихъ; и утверждается на могуществѣ духа, объятаго тѣнями рѣчныхъ тайнъ. Пенаты, раскрывая безсмертное въ одинокомъ сердцѣ человѣка, указываютъ въ немъ на то, что заслуживаетъ почитанія, что является основой его достоинства и его силы.

Въ свѣтѣ «уединеннаго огня» домашнихъ боговъ *рождается новый человекъ*, умудренный самопознаніемъ и Богопознаніемъ и подготовленный къ духовному служенію. Такой человекъ сознаетъ свое величіе и мощь, но онъ почерпаетъ ихъ въ Божіемъ величій, которому приобщается его сердце и которому служить его воля.

Какъ слуга Божій, поэтъ, почитая священный домашній очагъ, ждетъ любви и защиты отъ его священнаго стража.

Какъ слуга Божій, поэтъ вѣритъ въ то, что неземная сила охранитъ его земной приютъ — тихое убѣжище его вдохновеній.

Такъ возникаетъ таинственный союзъ человека съ его земной обителью и съ той незримой силой, которая ее оберегаетъ... На этомъ союзѣ и утверждается молитва поэта къ домовому.

Дремлютъ тихія воды у подножья холмовъ. На лѣсномъ берегу — усадьба: домикъ, запущенный садъ, огородъ укромный. Мирный приютъ отцовъ и дѣдовъ; въ немъ все овѣяно любовью. и эта любовь, заботливая и благодарная, творитъ молитву объ его процвѣтаніи. Домового призываетъ эта молитва: и вотъ, во всѣхъ концахъ усадьбы уже чудится его смутный образъ, отстраняющій отъ нея и злосчастья, и козни вражьихъ силъ.

Покой, ничѣмъ не возмущаемый, и крѣпкая довѣриемъ любовь звучатъ на всемъ протяженіи пѣсни; они наполняютъ каждое ея слово и опредѣляютъ ея музыкальный строй, простой, свободный и ласковый. Въ ней все благоухаетъ пѣжностью... — рожденной въ суровомъ одиночествѣ души и расцвѣтшей въ тѣхъ ея нѣдрахъ, гдѣ кончается переходящее.

«Заботливымъ дозоромъ» ходитъ домовою вокругъ помѣстья и бережетъ его и отъ злыхъ силъ природы и отъ злой страсти людей.

---

7) Пушкинъ. «Еще одной высокой важной пѣсни».

Природа полна непостижимой жизни, ускользающей от слабого ума человѣческаго, и нерѣдко душа земледѣльца трепещетъ передъ величіемъ неизвѣстнаго и трепещетъ, чуя кругомъ себя ежечасную опасность и вражду. Противъ тайнаго зла не помогутъ ни знанія, ни умѣнье, и человѣкъ — тамъ, гдѣ онъ сознаетъ свое безсиліе, — укрѣпляетъ свою бодрость довѣріемъ къ покровителю его земли — своему домашнему богу. Властный надъ силами природы, домовый уберезетъ засѣянное поле отъ холодныхъ бурь и дождей и согрѣетъ его рано выпавшимъ снѣгомъ.

Еще страшнѣе дому злыя вождельнія людей. Для того, чтобы сохранить его цѣлость, надо овладѣть тѣми недобрыми страстями, которыя гонять людей на расхищеніе и разрушеніе чужого. Для защиты мало однихъ внѣшнихъ мѣръ огражденія. Ловкость вора преодолѣетъ опасливую изобрѣтательность хозяина, а дерзостная смѣлость его не остановится передъ словомъ запрета. Но и ветхой калитки и обрушеннаго забора довольно для охраны усадьбы, если таинственная сила домашняго божества постигнетъ робостью злоумышляющую душу и отворотитъ завистливый взоръ.

Домовой пробуждаетъ въ душѣ человѣка чувство священности чужого достоянія. Это знали и люди старыхъ временъ. Уже первобытные поселенцы поручали занятую ими землю заботамъ своихъ домашнихъ боговъ и ставили ихъ изображенія на границахъ своихъ владѣній. Такъ утверждалъ человѣкъ свое «самостоянье» на своемъ «родномъ пепелищѣ»⁸⁾, не вѣдая еще, что довѣріе къ домашнему богу укрѣпляетъ его связь съ землей отцовъ и готовитъ расцвѣтъ національной культуры.

Огражденное заботами божества отъ враждебныхъ силъ міра скромное помѣстье становится для человѣка неизсякаемымъ источникомъ любви. Оно не только поддерживаетъ его существованье. — оно само полно жизни древней и умудряющей. Гостепріименъ можетъ быть и чужой домъ, прекрасна и чужая природа, щедра и чужая земля. Но лишь въ «своемъ» человѣкъ узнаетъ родное: въ своей природѣ и неживой предметъ становится для него живымъ символомъ, а цвѣты и деревья открываютъ ему жизнь своей души. Преданія наследственной сѣни и ласковыя тѣни ея прежнихъ обитателей пробуждаютъ это чувство родства уже въ сердцѣ ребенка. Когда дитя открываетъ старую калитку со ржавымъ затворомъ и бѣ-

8) «Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу,
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его».

жить по дорожкѣ, исхоженной его дѣдами, душа его слышитъ ихъ шаги, и деревья сада невнятно шепчутъ ей про былую жизнь и ласкаютъ ее дѣдовской лаской. И вотъ маленькій потомокъ ушедшихъ владѣльцевъ уже чувствуетъ тайную связь души своей съ древней природой, свидѣтельницей далекихъ, но родныхъ ему минувшихъ дней. Онъ слушаетъ ее доверчиво и учится понимать ея неясныя рѣчи; онъ ждетъ отъ нея откликовъ... и тоскѣ его вторятъ шумы лѣсные, и радостямъ его радуются звоны зазеленѣвшихъ полей. Родная природа, это — родная жизнь; и мнится, что кто-то далекий, но близкій, могучій, но добрый скрывается въ ней, ее лелѣетъ и черезъ нее свѣтитъ душѣ своею любовью.

Свой домъ, своя природа, есть крѣпость любви, которая нужна человѣку для его духовнаго цвѣтенія: душа питается не только собственной любовью, помогающей ей расширить границы міра, сдѣлать далекое близкимъ, — но и сознаниемъ любви, которое умножаетъ ея силы, укрѣпляетъ ея вѣру въ свою мощь. Въ одинокой огражденности отъ внѣшняго «недружескаго» вмѣшательства, въ увѣренности, что кто-то тайный блюдетъ ея миръ, душа человѣка всей полнотой своей отдается чарамъ незримой жизни, и онѣ пробуждаютъ въ ней и думу древнюю и древнюю пѣснь.

Свой уголокъ земли, — свой домъ, свой садъ, свои липы и клѣны, — есть лоно духовнаго дѣланія, есть алтарь, у котораго душа въ тишинѣ уединенія общается съ Вѣчнымъ.

Такъ мистерія, состоявшаяся въ душѣ пѣвца передъ лицомъ домашнихъ боговъ, раскрываетъ подлинный *смыслъ земного жилища* и освящаетъ отношеніе человѣка къ *своему владѣнію*. И даже тогда, когда люди идутъ кривыми путями, когда ихъ заблужденія искажаютъ подлинную сущность домашняго очага, — онъ въ основѣ своей не перестаетъ быть ступенью къ высшимъ, духовнымъ формамъ жизни, средствомъ для осуществленія въ ней «вдохновеннаго досуга и вдохновеннаго труда»⁹⁾.

Образъ домашняго бога до сихъ поръ еще сохранилъ свою свѣжесть въ народныхъ повѣрьяхъ. Домовой все еще живетъ у огня, гдѣ-то за печью. Въ сумеркахъ вечера онъ бродитъ по дому, гремитъ посудой и пугаетъ маленькихъ непослушныхъ дѣтей. Онъ любитъ «свою» усадьбу, блюдетъ въ ней порядокъ и тяжело наказываетъ того, кто его нарушаетъ... Но добраго «дѣда» считаютъ теперь нечистой силой и заклинаютъ порой словами молитвъ.

Въ поэзіи Пушкина домовый вновь получаетъ священное значеніе. Его неуловимый, неясный образъ воспринимаетъ въ

⁹⁾ «Риѣма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда».

себя и древнюю мудрость человѣческаго сердца, и новое знаніе, обрѣтенное вдохновеннымъ видѣніемъ пѣвца. Какъ и встарь, домашній «духъ» любовно сторожитъ земную обитель человѣка. Но онъ любитъ ее за тѣ пѣснопѣнія, которыя звучать въ ея сѣни и строить въ ней незримый храмъ Единому Богу.

Наталія Ильина.

ВОЛЕВЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ.

(Подвиги русскихъ святыхъ во утвержденіе Православія).

Въ русской исторіи въ ряду великихъ и малыхъ событій, дѣяній мира и войны, положительныхъ и отрицательныхъ явленій, дѣлъ внутренняго и внѣшняго строительства, съ особенной отрадой привлекаетъ наше вниманіе одно несомнѣнно свѣтлое, благородное явленіе: крѣпкая, неустанная *борьба* лучшихъ русскихъ людей *за убѣжденія*, за свои идеалы, за правду, за свое міровоззрѣніе; борьба, доходившая нерѣдко до самоотверженности, до подвига-положничества. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ проявленій такой, вызываемой возвышенными побужденіями дѣятельности были великіе труды по *распространенію и оборонѣ на Руси* православнаго христіанства.

Великая борьба съ древнимъ язычествомъ за утвержденіе у насъ новаго вѣроисповѣданія, требовавшая горѣнія духа и напряженныхъ усилій, началась у насъ въ мѣстѣ зарожденія нашего христіанства, въ матери городовъ русскихъ, въ старомъ Кіевѣ. Можно думать, что проявленіями ея были трагическая гибель Аскольда и Дира, споры о вѣрѣ между Ольгой и сыномъ ея Святославомъ, страдальческая кончина варяговъ первомучениковъ, усобица Святославичей — Ярополка и Владимира, и прочее.

Еще упорнѣе и опредѣленнѣе по своимъ идейнымъ побужденіямъ была борьба, происходившая уже на глазахъ исторіи — въ Сѣверной Россіи. Тамъ распространеніе и укрѣпленіе христіанства потребовало волевыхъ усилій многихъ подвижниковъ.

Въ Новгородѣ, уже послѣ крещенія, былъ случай, когда волхвъ соблазнилъ весь городъ. Видя смятеніе въ людяхъ, епископъ предложилъ на вѣчевомъ народномъ собраніи, чтобы стали за нимъ вѣровавшие во Христа, а сторонники язычества шли къ волхву. Тогда весь городъ сталъ за волхвомъ, и лишь князь съ дружиною — за епископомъ. Потребовалось необычайное присутствіе духа, преданность вѣрѣ и находчивость князя, чтобы найти мирный способъ выйти изъ положенія.

Въ Ростовской землѣ христіанство укрѣплялось очень туго. Когда въ ней началъ проповѣдывать преп. Авраамій, тамъ бы-